

О.И. Елисеева

МОЛОДАЯ ЕКАТЕРИНА

*Тайны
Российской
Империи*

Ольга Игоревна Елисеева

Молодая Екатерина

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=439975

Молодая Екатерина: Вече; М.; 2010

ISBN 978-5-9533-4481-4

Аннотация

Книга известного историка и писателя Ольги Елисеевой рассказывает о молодых годах Екатерины – будущей «владычицы полумира». Еще в 14 лет она составила свой план: «нравиться супругу, императрице Елизавете и народу» – и ничего не забыла, чтобы достигнуть в этом успеха. Какие средства использовала юная супруга наследника для осуществления своих амбициозных планов? Искренне ли желала она наделить своих поданных «счастьем, свободой и собственностью»? Как республиканка «в душе» стала одним из самых могущественных самодержцев? Чтобы заглянуть в тайники души Екатерины Великой, автор обращается к ее воспоминаниям...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
СЕСТРЫ КАРДЕЛЬ	16
СЕМЕЙНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК	22
«ДИТЯ ВЫШЕ ЛЕТ СВОИХ»	27
«ЧЕЛОВЕК ПРЯМОГО И ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА»	32
ИЗ ОКНА КАРЕТЫ	37
«Я СПРАВЛЯЛАСЬ, КАК УМЕЛА»	43
Глава 2	50
«ПОЛИТИКАНЫ ПЕРЕДНЕЙ»	53
«СРЕДОТОЧИЕ СОВЕРШЕНСТВ»	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ольга Игоревна Елисеева

Молодая Екатерина

Пролог

«СЧАСТЬЕ НЕ ТАК СЛЕПО...»

В начале лета 1791 г. пожилая дама прогуливалась по зеленым липовым аллеям Царского Села. Ей было за шестьдесят, но она сохранила бодрость и все еще любила долгие пешие променады, как бы отделявшие часы утренней работы от обеда и послеобеденных дел. «Нет человека подвижнее меня в этой местности, – писала она за двадцать лет до того о Царском Селе. – ...Я хожу по десяти верст как ни в чем не бывало. Не значит ли это испугать самого храброго лондонского ходока?»¹.

Судя по Камер-фурьерскому журналу, государыню повсюду сопровождали любимая левретка – представлявшая уже третье поколение левреток, подаренных когда-то Екатерине английским доктором Джеймсом Димсдейлом в честь успешно проведенной операции оспопрививания в России, – и две немолодые подруги: камер-юнгфера Марья Саввишна Перекусихина и статс-дама Анна Никитична Нарышкина. За долгие годы, проведенные у власти, императрица научилась

оставаться одна даже в компании посторонних. Когда-то веселую и общительную великую княгиню тяготило вынужденное одиночество. Потом, уже после восшествия на престол, вынужденным стало постоянное пребывание на публике, и Екатерина смогла в полной мере оценить прелесть редких минут уединения.

Окруженная спутницами, она слушала и не слышала их разговор, отвечала, улыбалась, шутила, но... думала о другом. Не так давно Екатерина возобновила работу над «Записками» – воспоминаниями о днях молодости. Государыня много раз обращалась к этому произведению, можно сказать, работала над ним всю жизнь, внося что-то новое, уточняя и вымарывая, переставляя куски...

Еще в 1745 г. юная принцесса нарисовала свой психологический портрет, озаглавив рукопись «Набросок начерно характера философа в пятнадцать лет». В конце 1750-х гг. из-под пера Екатерины вышла краткая редакция «Записок». А в 1758 г., узнав об аресте канцлера Алексея Петровича Бестужева, ее политического сторонника, великая княгиня сожгла бумаги, в том числе и биографические заметки. После переворота 1762 г. молодая императрица написала еще две редакции «Записок», одна из которых почти совпадала с первой, а другая была расширена за счет рассказа о заговоре. Затем воспоминания оказались надолго отложены в дальний ящик, а их автор со всей страстью предался государственной работе. На повестке дня стояли секуляризация церков-

ных земель, генеральное межевание, созыв Уложенной комиссии...

Кроме того, Екатерина сочиняла пьесы, либретто для комических опер, делала исторические заметки, но ни разу не прикоснулась к своим мемуарам. Видимо, она была так поглощена новыми замыслами, что у нее не возникало потребности вспоминать прошлое. Жизнь сегодняшняя, реальная «кипела» у Екатерины «под руками» и буквально капала с кончика пера.

Однако все имеет свой предел, и человеческие силы тоже. С 1771 г. начался один из труднейших периодов царствования императрицы. Цесаревич Павел подрос и стал всерьез претендовать на престол, один заговор следовал за другим. Продолжалась первая русско-турецкая война 1768–1774 гг., а в глубине страны разразилась пугачевщина. Вот тогда-то Екатерина вновь взялась за «Записки». Их очередная редакция обогатилась рассказами о событиях 1729–1750 гг. Над ней царица работала с 1771-го по 1774 г. То есть до тех пор, пока в ее жизни не произошел новый крутой поворот, и она не обрела опору там, где не чаяла.

Осенью 1774 г. императрица вступила во второй, теперь уже тайный, брак с Григорием Александровичем Потемкиным. Светлейший князь стал для Екатерины главным помощником, оказывая ей политическую и моральную поддержку. Он создавал новые государственные идеи, воплощением которых отмечена вся вторая половина екатерининско-

го царствования. И опять в течение 17 лет, совпавших со временем могущества Потемкина, царица не притрагивалась к воспоминаниям. Она вновь сочиняла исторические драмы, бытовые пьесы и сказки для внуков, вела громадную переписку.

Прошло почти двадцать лет, и Екатерина внезапно вернулась к мемуарам. Она трудилась над их последней редакцией с 1790 г. до конца жизни, т. е. до 1796 г. Это время тоже не было простым: новая русско-турецкая война 1787–1791 гг., совпавшая с ней русско-шведская 1788–1790 гг., затем смерть Потемкина, оставившего ее один на один с громадой государственных дел. Наконец, французская революция, наложившая глубокий отпечаток на внешнюю и внутреннюю политику всех европейских стран, в том числе и России.

Екатерина старела, ее жизненная энергия и былой задор иссякали, болезни брали свое. Оставались ясность ума и грустное осознание того, что далеко не все задуманное удалось совершить в лучшие годы. И вот опять императрица вынимает пожелтевшие листы воспоминаний, перерабатывает, дописывает, уточняет.

Создается впечатление, что Екатерина обращалась к мемуарам именно в тяжелые моменты жизни. Что она искала в них? Ободрения? Опоры? Силы для того, чтобы выстоять в невзгодах? Вероятно, трудности, встававшие перед государыней уже в дни царствования, не были, на ее взгляд, сравнимы с тем откровенно невыносимым существованием, кото-

рое она вела в юности. Недаром пожилые героини пьес Екатерины часто в той или иной форме повторяют фразу: «Хоть печали и много было смолоду, но мне под старость бы видеть лица веселые». Вглядываясь в картины прошлого, Екатерина словно училась у самой себя, более молодой и выносливой, словно говорила: если я выдержала тогда, грешно не выдерживать сейчас.

Третья редакция «Записок», относящаяся к 90-м гг. XVIII в., начиналась многозначительным рассуждением о счастье и несчастье: «Счастье не так слепо, как его себе представляют. Часто оно бывает следствием длинного ряда мер, верных и точных, незамеченных толпою и предшествующих событию. А в особенности счастье отдельных личностей бывает следствием их качеств, характера и личного поведения. Чтобы сделать это более осязательным, я построю следующий силлогизм:

Качества и характер будут большей посылкой;

Поведение – меньшей;

Счастье или несчастье – заключением.

Вот два разительных примера.

Екатерина II,

Петр III».

Что же позволило императрице поставить такой победный аккорд именно в годы невзгод и испытаний? Что заставляло Екатерину думать о себе как о счастливом человеке, когда

кругом в зыбком вихре, поднятом французской революцией, кружились осколки корон и вдребезги разбитых тронов, когда резкие звуки Марсельезы, доносясь до Петербурга, начинали смахивать на разбойничьи песни пугачевцев?

Дело в том, что пожилой даме, мирно раскладывающей пасьянс со своими старыми камер-фрау, было что противопоставить надвигающемуся хаосу. Это была она сама.

На одном из портретов кисти голландского живописца В. Эриксена Екатерина изображена у огромного зеркала. Императрица смотрит на зрителя, а мы можем наблюдать ее одновременно в профиль и фас. Создается впечатление, что, куда бы ни повернулась Екатерина, она повсюду увидит самое себя.

Художественный образ весьма точен. С юности будущая «владычица полумира» проявляла углубленный интерес к своей личности. Она оставила множество разрозненных заметок на этот счет. В письмах к философам Вольтеру, Дидро, Гримму, на страницах воспоминаний, в разрозненных заметках императрица то и дело возвращается к оценке своего характера и жизненных принципов.

Даже на обратной стороне листка, содержавшего эпитафию любимой собачке сиру Тому Андерсону, государыня пишет свою собственную надгробную надпись: «Здесь покоится тело Екатерины II... Она приехала в Россию, чтобы выйти замуж за Петра III. 14 лет она составила тройной план: нравиться своему супругу, Елизавете и народу – и ничего не

забыла, чтобы достигнуть в этом успеха. 18 лет скуки и одиночества заставили ее много читать. Вступив на русский престол, она желала блага и старалась предоставить своим подданным счастье, свободу и собственность. Она охотно прощала и никого не ненавидела. Снисходительная, жизнерадостная, от природы веселая, с душою республиканки и добрым сердцем, она имела друзей. Работа для нее была легка. Общество и искусства ей нравились».

В этом коротком тексте есть все, вокруг чего обычно крутится рассказ о жизни императрицы. Ни один исследователь не миновал вопроса о средствах достижения Екатериной успеха, об ее амбициозных планах, составленных в столь раннем возрасте, о тяжелых годах супружества, о влиянии книг на развитие будущей государыни. Множество перьев сломано в дискуссиях об искренности желания Екатерины наделить своих подданных «счастьем, свободой и собственностью». И наконец, о том, как республиканка «в душе» стала одним из самых могущественных русских самодержцев.

Вероятно, ответы на эти вопросы живо волновали саму Екатерину, иначе она не пыталась бы столь часто прибегать к анализу своего «я». Одним из способов заглянуть в тайники собственной души было для нее обращение к воспоминаниям.

Глава 1

ШТЕТТИН – МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД

«Зачем Вам Штеттин? – писала в 1776 г. Екатерина своему старому корреспонденту барону Мельхиору Гримму, узнав, что он собирается побывать у нее на родине. – Вы никого там не застанете в живых... Но если Вы не можете освободиться от этой охоты, то знайте, что я родилась в Маринском приходе, что я жила и воспитывалась в угловой части замка и занимала наверху три комнаты со сводами возле церкви, что в углу. Колокольня была возле моей спальни... Через весь этот флигель по два или по три раза в день я ходила, подпрыгивая, к матушке, жившей на другом конце. Впрочем, не вижу в том ничего занимательного. Разве, может быть, Вы полагаете, что местность имеет влияние на произведение сносных императриц?»²

Несмотря на шуточный тон, с каким Екатерина говорила о годах своего младенчества, в мемуарах она уделяет раннему периоду жизни самое серьезное внимание. Когда императрица думала и писала наедине с собой, уже неуместны были замечания вроде брошенных Гримму: «Со временем станут ездить в Штеттин на ловлю принцесс, и в этом городе по-

явятся караваны посланников, которые будут там собирать-
ся, как за Шпицбергом китоловы»³.

В третью, наиболее позднюю редакцию «Записок» Екатерина специально вставила страницы, посвященные детству и описанию людей, которые ее окружали. Век Просвещения принес с собой совершенно новое понимание ценности человеческого детства. Вместо «низеньких взрослых» в застывших позах на портретах появились малыши с игрушками, возникло понятие особой комнаты в доме – детской, в популярных журналах целые полосы посвящались вопросам воспитания. Масоны в ложах произносили нравоучительные речи о создании «совершенного человека», которое начиналось с младых ногтей, когда, по утверждению английского психолога Джона Локка, ребенок напоминает чистый лист бумаги: важно начертать на нем добрые, разумные письма. Кто и какие письма чертил на белом листе души маленькой принцессы Софии Августы Фредерики Ангальт-Цербстской?

Для Екатерины, как и для наиболее одаренных мемуаристов той эпохи, значение детских впечатлений стало очевидно гораздо раньше, чем для большинства современников. Читая строки ее воспоминаний, можно найти ответы на многие загадки личности будущей императрицы. Даже болезни оказались отдельной страницей в становлении характера Северной Семирамиды.

Девочка росла сущим бесенком и постоянно норовила

сломать себе шею во время самых невинных игр. У нее было столько энергии, что, набегавшись и напрыгавшись за день, она вечером не могла уснуть и, оседлав громадную диванную подушку, скакала на ней, как на лошади, до тех пор, пока в изнеможении не падала на кровать. «Однажды я так изловчилась, – вспоминала Екатерина, – что шкаф, полный игрушек и кукол, упал на меня... Мать подумала, что меня задавило, но, к счастью, дверцы шкафа были отперты, и он лишь удачно накрыл меня... В другой раз я чуть не проткнула себе глаз ножницами: острое попало в веко»⁴.

Невольно задумаешься над ролью случая. Как пошла бы дальше история России, если б маленькая немецкая принцесса окривела и не вышла замуж за наследника престола? Только на медицинском поприще это могло обернуться отказом от оспопрививания, строительства воспитательных домов и больниц для детей-сирот и матерей, вынужденных рожать втайне от окружающих. В век эпидемий Россия, как и прежде, могла остаться без четко разработанных государственных противоэпидемических мер, применявшихся и в сердце страны – в Москве, и на ее южных окраинах – в Крыму, где свирепствовала чума. Современному человеку усилия правительства Екатерины по борьбе с обморожениями в северных губерниях и желудочно-кишечными заболеваниями в южных покажутся каплей в море. Но за 34 года ее царствования население России возросло в двое – с 18 до 36 млн человек – в основном за счет падения детской смертности.

А ведь сама будущая императрица имела все шансы скончаться в младенчестве. До семи лет она страдала разве что повторяющимися приступами золотухи, которой тогда переболели почти все дети, как сейчас свинкой или корью. Существовало мнение, что золотуху лечить очень опасно и потому хворого ребенка брили наголо, если короста появлялась на голове, и усиленно пудрили. Если же болезнь вспыхивала на руках, то на них натягивали глухие перчатки, которые не снимали уже до тех пор, пока корки не сходили. Не миновала подобного «лечения» и юная Екатерина. Впрочем, ее оно не слишком беспокоило.

Зато настоящим наказанием в старом штеттинском замке были сквозняки. Каждое утро и каждый вечер детей ставили на колени читать молитву. В один прекрасный день дочка коменданта зашлась страшным кашлем, повалилась на бок и не смогла встать. «Ко мне бросились и снесли меня на кровать, где я оставалась почти в течение трех недель, лежа постоянно на левом боку с кашлем и колотьями и очень сильным жаром». Когда же девочка поднялась с постели, то окружающие увидели страшную картину: «правое плечо стало выше левого, позвоночник шел зигзагом, а в левом боку образовалась впадина». Об уродстве маленькой принцессы родители не отважились сказать никому, за исключением двух верных слуг, которые и пригласили к своей больной госпоже... местного палача (в городе, по признанию Екатерины, не было доктора).

Штеттинский палач, а по совместительству хирург, предложил весьма оригинальный способ лечения. «Человек этот, осмотрев меня, приказал, чтоб каждое утро в шесть часов девушка натошак приходила натирать мне плечо своей слюной, а потом позвоночник. Затем он сам сделал род корсета, который я не снимала ни днем ни ночью... Сверх того, он заставил меня носить широкую черную ленту, которая шла вокруг шеи, охватывала с правого плеча правую руку и была закреплена на спине... Я перестала носить этот столь беспокойный корсет лишь к десяти или одиннадцати годам»⁵.

Представьте себе ребенка, в течение трех-четырех лет закованного в неудобный, стесняющий движения корсет. Больше нет возможности бегать, лазать по деревьям, играть со сверстниками в шумные игры, каждый лишний шаг, взмах руки, наклон головы крайне ограничен. И это у девочки, которая еще недавно не знала, куда девать энергию! Временная кривобокость – первая в жизни Екатерины болезнь-урок. Именно тогда будущая императрица приобрела необыкновенно прямую, величественную осанку, о которой писали все наблюдатели, а главное – она в столь раннем возрасте научилась сдерживать свои порывы и жить в постоянном принуждении к стесняющим волю правилам. Этот горестный навык очень пригодился Екатерине в будущем.

СЕСТРЫ КАРДЕЛЬ

Мир девочки вращался вокруг трех главных в ее детской жизни столпов: матери, отца и гувернантки. В знатных семьях дети больше времени проводили не в обществе родителей, а в обществе воспитателей и наставниц. Именно последние оказывали основное влияние на характер подопечных. Обе гувернантки, которых Екатерина вспоминала уже в зрелые годы, наложили серьезный отпечаток на ее личность.

В сказке Г.Х. Андерсона «Ребятчья болтовня» есть описание одной не в меру спесивой девочки, которой, по меткому выражению автора, ее манеры «не вбили, а вцеловали, и не родители, а слуги». Было бы любопытно взглянуть, какие из качеств будущей императрицы «вцеловали» ей штеттинские слуги, а какие действительно «вбила» мать, по отзывам дочери, весьма тяжелая на руку.

Еще до гувернанток совсем маленькую Фикхен поручили заботам компаньонки ее матери, некой фон Гогендорф. «Эта дама так неумело взялась за меня, что сделала меня очень упрямой, – писала впоследствии императрица. – Я никогда не слушалась иначе, как если мне прикажут, по крайней мере раза три и притом очень внушительным голосом»⁶. Упрямство в течение всей жизни было заметной чертой характера Екатерины. Правда, с годами она научилась хорошо скрывать его и проявлять не в форме возражения собеседникам,

а в форме дел, сделанных вопреки чьему-либо мнению. «Я умела быть упрямой, – позднее писала она, – твердой, если хотите, когда это казалось мне необходимым. Я никогда не стесняла ничьих мнений, но при случае имела свое собственное. Я не люблю споров, потому что вижу, что всегда каждый остается при своем мнении. Вообще я не смогла бы всех перекричать»⁷.

С двух лет заботы о девочке поручили француженке эмигрантке Магдалине Кардель, «которая была вкрадчивого характера, но считалась немного фальшивой». «Она очень заботилась о том, – вспоминала Екатерина, – чтобы я являлась перед отцом и матерью такою, какой могла бы им нравиться. Следствием этого было то, что я стала слишком скрытной для своего возраста»⁸.

Кардель очень рано привила Фикхен те черты, о которых впоследствии будут много писать мемуаристы: умение нравиться, превращенное в настоящее искусство. Прошли годы, место родителей заняли другие люди, и императрица всегда представляла перед ними такой, какой ее хотели видеть. Для тысячи свидетелей у нее была тысяча масок, для каждого собеседника – свой стиль и язык разговора. Однако, и это следует подчеркнуть, подобный маскарад не являлся бездумной сменой амплуа на сцене жизни. Екатерина всегда играла свою роль. Просто ее роль оказалась настолько сложна, что потребовала от исполнительницы демонстрировать зрителям все грани своего актерского таланта.

Сама Екатерина не слишком любила в себе эту черту. Во всяком случае, Магдалине Кардель сильно достается от воспитанницы за фальшь. Естественность и искренность старательно изгонялись из поведения девочки, заменяясь наивным позерством. Одновременно происходило поощрение слабостей: тщеславия, любви к подаркам и лести. В таком состоянии ребенка нашла новая гувернантка, о которой Екатерина с благодарностью писала: «Магдалина Кардель вышла замуж... и меня поручили ее младшей сестре Елизавете Кардель, смею сказать, образцу добродетели и благоразумия – она имела возвышенную от природы душу, развитой ум, превосходное сердце; она была терпелива, кротка, весела, справедлива, постоянна и на самом деле такова, что было бы желательно, чтобы могли всегда найти подобную при всех детях»⁹.

Однако это слова уже взрослой, умудренной опытом женщины. Маленькой упрямой и скрытной Фикхен новая наставница сначала очень не понравилась. «Она меня не ласкала и не льстила мне, как ее сестра; эта последняя тем, что обещала мне сахару да варенья, добилась того, что испортила мне зубы и приучила меня к довольно беглому чтению, хоть я и не знала складов. Бабет Кардель, не столь любившая показной блеск, как ее сестра, снова засадила меня за азбуку и до тех пор заставляла меня складывать, пока не решила, что я могу обходиться без этого»¹⁰. Заметим, что многие наблюдатели отмечали в Екатерине любовь к «показному блес-

ку» и умение пускать пыль в глаза, т. е. именно те качества, за которые воспитанница бранит старшую из гувернанток.

Лесть как путь к сердцу монархини использовали многочисленные придворные дельцы и иностранные дипломаты. Английский посол сэр Джеймс Гаррис передавал в донесении домой совет, данный ему светлейшим князем Г.А. Потемкиным. На вопрос, как завоевать симпатию императрицы, тот ответил: «Льстите ей»¹¹. Даже если Потемкин посмеивался над Гаррисом или, что вероятнее, втягивал его в свою политическую игру, дыма без огня быть не могло: Екатерина всю жизнь оставалась равнодушна к отзывам о своей личности, талантах и заслугах.

Поэтому строгие нравственные уроки Елизаветы Кардель, без сомнения, пошли будущей императрице на пользу. Они научили Фикхен сдерживать в узде неуемную жажду похвал и показали, что не все люди будут потакать ее слабостям.

Именно младшая Кардель приохотила воспитанницу к чтению, причем возможность слушать книги подавалась как награда за хорошее поведение. Это заставило девочку считать книги высшим и наиболее изысканным наслаждением. «У Бабет было своеобразное средство усаживать меня за работу и делать со мной все, что ей захочется: она любила читать. По окончании моих уроков она, если была мною довольна, читала вслух; если нет, читала про себя; для меня было большим огорчением, когда она не делала мне чести допускать меня к своему чтению»¹².

Вместе с Кардель Фикхен впервые познакомилась с пьесами Мольера. Гувернантка читала, а воспитанница занималась «ручной работой»: шила, вязала, украшала салфетки кружевом. Много лет спустя императрица сохранила любовь к подобному времяпрепровождению. В послеобеденные часы, отдыхая от дел, она слушала, как старый вельможа И.И. Бецкой читал ей «Рейнские ведомости» и другие газеты, а сама шила попонки для собачек, чулки и чепчики для внуков. Государыню не смущало то, что с иглой и пяльцами в руках она напоминает простую сельскую барыню. «Что мне делать? – говорила Екатерина. – ...Моя гофмейстерина была старосветская француженка. Она не худо приготовила меня для замужества в нашем соседстве»¹³.

Как всегда, Екатерина подтрунивала над собой, да и над гувернанткой тоже. Умная и благородная Кардель умела подавить упрямство, капризы и тщеславие своей воспитанницы, но в маленьком захолустном замке и хозяева, и слуги жили бесконечными слухами, переполнявшими мирок немецких княжеств. Эти слухи, как и этот мирок, тоже были маленькими, если не сказать, мелочными. Где балы и маскарады прошли удачнее: в Брауншвейге или в Берлине? Какая из принцесс, бесконечных кузин Софии, сделала партию лучше? Когда же и за кого выйдет замуж сама Фикхен? Подобные разговоры, ведшиеся в присутствии детей, повлияли на разжигание честолюбия маленькой принцессы – потенциальной невесты любого из европейских принцев.

«В доме отца был некто по имени Больхаген, – рассказывала Екатерина, – сначала товарищ губернатора при отце, впоследствии ставший его советником... Этот Больхаген и пробудил во мне первое движение честолюбия. Он читал в 1736 г. газету в моей комнате; в ней сообщалось о свадьбе принцессы Августы Саксен-Готской, моей троюродной сестры, с принцем Уэльским, сыном короля Георга II Английского. Больхаген обратился к Кардель: “Ну правда сказать, эта принцесса была воспитана гораздо хуже, чем наша; да она совсем и некрасива; и, однако, вот суждено ей стать королевой Англии; кто знает, что станется с нашей”. По этому поводу он стал проповедовать мне благоразумие и все христианские и нравственные добродетели, дабы сделать меня достойной носить корону, если она когда-нибудь выпадет мне на долю. Мысль об этой короне начала тогда бродить у меня в голове и долго бродила с тех пор»¹⁴.

Софии в это время едва исполнилось семь лет, а ее уже рассматривали как возможную супругу того или иного королевского лица. Очень скоро, лет через пять-шесть, для нее должна была наступить лучшая, по понятиям XVIII в., пора замужества. На этом пути услуги Бабет Кардель отходили в прошлое, и София начинала остро нуждаться в советах матери.

СЕМЕЙНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Принцесса Иоганна-Елизавета принадлежала к знатному Голштейн-Готторпскому дому и обладала богатой родней. Она была еще слишком молода, чтобы всерьез обращать внимание на детей. Однако с дочерью ее отношения складывались с самого начала трудно. Известна фраза Екатерины о том, что лучшим аргументом в споре ее мать считала пощечину. Неумное поведение принцессы Иоганны было первым толчком, надломившим хрупкий стебелек женственности, едва начавший прорасти в душе Софии.

В детстве Фикхен была дурнушкой, и мать постоянно подчеркивала изъяны девочки, говоря, что при такой непривлекательной внешности она должна стать нравственным совершенством, чтобы не отпугивать людей. «Не знаю наверное, была ли я действительно некрасива в детстве, – рассуждала Екатерина, – но я хорошо знаю, что мне много твердили об этом и говорили, что поэтому мне следовало позаботиться о приобретении ума и достоинств, так что я была убеждена до 14 или 15 лет, будто я совсем дурнушка»¹⁵.

Иоганна-Елизавета рано почувствовала в дочери скрытое, молчаливое сопротивление и посчитала его проявлением гордости. Чтобы сломить высокомерие Фикхен, она заставляла ее целовать платья у знатных дам, приезжавших в гости. Грубое давление вызывало только отпор, девочка хоте-

ла, чтобы с ней обращались как с разумным человеком. «Самым унижительным положением мне всегда казалось быть обманутой, – писала Екатерина. – Быв ребенком, я горько плакала, когда меня обманывали, а между тем я поспешно исполняла все, что от меня ни требовали, и даже не нравившееся мне, когда мне объясняли причины»¹⁶.

Менее живую и общительную девочку упреки матери могли заставить замкнуться в себе, развили бы в ней робость и нелюдимость. Однако в характере Фикхен рано проявилась такая спасительная в данном случае черта, как упрямство. Она стала при встречах с другими людьми изо всех сил стараться занять их интересным разговором, подстраиваясь под вкусы и пристрастия собеседника, и таким образом победить мнимое отвращение, которое якобы должны были испытывать к ней гости.

В хорошо известной детям того времени сказке Шарля Перро «Рикэ-хохолок» описывается умная, но некрасивая принцесса, которая ничуть не страдала от своего безобразия. Рассказывая о ней, автор как бы переносит в сказку представления общества эпохи Просвещения о внутренней сущности красоты. «Принцесса... умела так занять гостей блестящей остроумной беседой, что часы казались им минутами, а дни часами. Слушая ее, они забывали о том, что она некрасива, и от души наслаждались ее обществом. Скоро все молодые люди стали поклонниками некрасивой принцессы, а самый умный и красивый из них стал ее женихом»¹⁷.

Маленькая София вела себя в полном соответствии с приведенным «рецептом». «Я действительно гораздо больше старалась о приобретении достоинств, нежели думала о своей наружности», – сообщала она в мемуарах. Впоследствии Екатерина стала весьма привлекательной молодой особой, но она так и не научилась осознавать свою прелесть. «Говоря по правде, – писала императрица, – я никогда не считала себя особенно красивой, но я нравилась, и думаю, что в этом была моя сила»¹⁸. Со взглядом Екатерины согласуется мнение такого ценителя женских достоинств, как Джакомо Казанова, посетившего Россию в 1765 г. «Государыня, – писал он, – обладала искусством пробуждать любовь всех, кто искал знакомства с нею. Красавицей она не была, но умела понравиться обходительностью, ласкою и умом, избегая казаться высокомерной»¹⁹. В этой зарисовке мы видим уже результат долгой кропотливой работы над собой, которую София начала еще маленькой девочкой. Именно тогда у будущей императрицы впервые проявилось острейшее желание нравиться. Нравиться любой ценой.

К 14 годам София из гадкого утенка превратилась в прекрасного лебедя, а место постоянных насмешек и придиорок со стороны матери заняла глухая ревность. Но юную принцессу уже не так легко было остановить. Во время пребывания в гостях у бабушки в Гамбурге девочка познакомилась с одним из своих многочисленных дядей, принцем Георгом-Людвигом, который не на шутку увлекся ею. «Он был

на 10 лет старше меня и чрезвычайно веселого нрава», – рассказывала Екатерина.

Первой забила тревогу верная Кардель, заметив, что «тысячи любезностей» доброго дяди по отношению к племяннице перерастают в откровенное ухаживание. Однако к голосу гувернантки никто не прислушался, и вскоре София с изумлением впервые в жизни услышала признание в любви, а затем и просьбу руки. Не зная, как быть, и скорее плывя по течению, чем действительно испытывая к поклоннику серьезное чувство, девушка дала согласие. «Он был тогда очень красив, – вспоминала императрица, – глаза у него были чудесные, он знал мой характер, я уже свыклась с ним, он начал мне нравиться, и я его не избегала».

В данном случае Софии было важно проучить наконец Иоганну-Елизавету, продемонстрировав ей, насколько та была не права в оценке чисто женских качеств дочери. Фикхен добила своего. «С последней поездки в Гамбург мать стала больше ценить меня»²⁰, – не без гордости записала императрица в мемуарах, словно и через тридцать лет незримый спор с принцессой продолжался.

Казалось, этот спор начался у Екатерины с самого рождения. В семье ждали мальчика, и появлению дочери никто, кроме отца – добродушного принца Христиана-Августа Ангальт-Цербстского, – не обрадовался. «Мать не очень-то беспокоилась обо мне, – обижалась Екатерина, – через полтора года после меня у нее родился сын, которого она страстно

любила; что касается меня, то я была только терпима, и часто меня награждали колотушками в сердцах и с раздражением, но не всегда справедливо»²¹.

Сознание своей ненужности развило в Софии детскую ревность. В жизни самой Фикхен братья и сестры не играли никакой роли. В мемуарах она даже не называет их имен и не испытывает грусти, когда рассказывает о смерти своего тринадцатилетнего хромого брата. Ведь это был тот самый мальчик, которого так «страстно любила» мать! Уже став императрицей, Екатерина запретила своей родне приезжать в Петербург, заметив, что «в России и без того много немцев».

Уязвленной девочке казалось, что принцесса Иоганна готова дарить свое внимание и ласку кому угодно, только не ей. В Брауншвейге маленькая София была очень дружна с принцессой Марианной Брауншвейг-Бевернской, но и эта дружба оказалась отравлена ядом ревности. «Моя мать очень любила ее, – пишет Екатерина о Марианне, – и предрекала ей короны. Она, однако, умерла незамужней. Как-то приехал в Брауншвейг с епископом принцем Корвенским монах из дома Менгден, который брался предсказывать будущее по лицам. Он услышал похвалы, расточаемые моей матерью этой принцессе, и ее предсказания; он сказал ей, что в чертах этой принцессы не видит ни одной короны, но, по крайней мере, три короны видит на моем челе. События оправдали это предсказание»²². Екатерина словно говорит: ведь вас предупреждали, что на меня стоило обратить внимание!

«ДИТЯ ВЫШЕ ЛЕТ СВОИХ»

Впрочем, Иоганна-Елизавета была далеко не единственной, кто глядел, да проглядел Софию. Камер-фрейлина крошечного штеттинского двора баронесса фон Принцен вспоминала о детстве русской императрицы: «На моих глазах она родилась, росла и воспитывалась; я была свидетельницей ее учебных занятий и успехов; я сама помогала ей укладывать багаж перед отъездом в Россию. Я пользовалась настолько ее доверием, что могла думать, будто знаю ее лучше, чем кто-либо другой, а между тем никогда не угадала бы, что ей суждено было приобрести знаменитость, какую она стяжала. В пору ее юности я только заметила в ней ум серьезный, расчетливый и холодный, столь же далекий от всего выдающегося, яркого, как и от всего, что считается заблуждением, причудливостью или легкомыслием. Одним словом, я составила себе понятие о ней как о женщине обыкновенной»²³.

Современный российский исследователь А.Б. Каменский справедливо удивлялся: «Разве можно назвать обыкновенной женщину, отличавшуюся в 14 лет “серьезным, расчетливым и холодным” умом, не склонную к причудам и легкомыслию? И разве не именно эти качества столь необходимы настоящему политику?»²⁴. Остается признать, что баронесса не дала себе труда задуматься над собственными наблюдени-

ями. Любопытно, но ее имя даже не упомянуто в «Записках» Екатерины, а ведь эта дама была убеждена, что «пользовалась доверием девочки» и знала ее «лучше, чем кто-либо».

Зато каждый, кто проявил к Софии в детстве хоть каплю внимания, нашел на страницах ее мемуаров место. В 1740 г. в Гамбурге Иоганну-Елизавету с дочкой встретил прусский вельможа граф А.Х. Гюлленбург (Гилленбург). «Это был человек очень умный, уже немолодой и очень уважаемый моею матушкой. Во мне он оставил признательное воспоминание, потому что в Гамбурге, видя, что матушка мало или почти вовсе не занималась мною, он говорил ей, что она напрасно не обращает на меня внимания, что я дитя выше лет моих и что у меня философское расположение ума»²⁵. Могли ли такие слова не купить сердце юной Софии? Но Иоганна-Елизавета, судя по всему, осталась глуха к ним.

Подобное положение вещей заставляло маленькую принцессу с еще большей силой желать выдвинуться, показать себя, продемонстрировать свои достоинства так ярко, чтобы их наконец заметили. В еще очень раннем возрасте из кирпичиков ревности, зависти к более красивым и удачливым детям, жажды материнской ласки у Софии складывается то поистине сжигающее честолюбие, которое заставило ее идти к намеченной цели, невзирая ни на какие преграды.

Ко времени 15-летия дочери Иоганне-Елизавете самой было лишь 30, и она болезненно переживала свое увядание на фоне расцвета Фикхен. Еще более для нее было созна-

ние того, что собственную жизнь уже не изменить — она жена коменданта захолустной крепости, а вот ее дочь еще может сделать головокружительную партию. Когда же эта партия наметилась, принцесса повела себя настолько по-женски, что Екатерина и через тридцать лет не смогла забыть ее откровенно враждебных действий.

За год до романа с дядей, когда тринадцатилетняя София находилась с матерью в Берлине, их дом неожиданно посетил Яков Ефимович Сиверс, впоследствии один из близких сотрудников Екатерины, а тогда молодой камер-юнкер русского двора. Он привез Фридриху II Андреевскую ленту в подарок от императрицы Елизаветы Петровны. Сиверс нанес визит принцессе Иоганне, во время которого как бы между прочим попросил позволения взглянуть на Фикхен. Подобные просьбы, исходящие из уст посланца двора, где подрастал маленький царевич, выглядели прозрачно. «Мать велела мне прийти причесанной наполовину, как была»²⁶, — вспоминала Екатерина.

Нетрудно представить, как выглядела девочка, которой утром не просто расчесывали, а начесывали и взбивали волосы в модную высокую прическу — ведь дело происходило при дворе. Недаром в известной тогда сатирической песенке о дамских нарядах пелось: «Ангел дьяволом причесан и чертовкою одет». Сиверс не только не испугался «лохматого ангела», но и попросил портрет Софии, чтобы показать его в Петербурге. Через год уже в Гамбурге ту же просьбу о

встрече с Софией повторил генерал русской службы барон Николай Андреевич Корф, женатый на двоюродной сестре Елизаветы графине Скавронской. «Вероятно, я стала уже не так дурна, – рассуждала Екатерина, – потому что Сиверс и Корф казались сравнительно довольными моей внешностью, каждый из них взял мой портрет, и у нас шептались друг другу на ухо, что это по приказанию императрицы. Это мне очень льстило, но чуть не случилось происшествие, которое едва не расстроило все честолюбивые планы».

Речь идет о романе с дядей как раз в разгар многозначительных намеков русского двора. Принц Георг-Людвиг вел себя слишком свободно для человека, который заранее не заручился согласием матери. «Я узнала потом, что мать все это знала, – вспоминала Екатерина, – да и нельзя ей было не заметить его ухаживания, и если б она не была с ним заодно, то, я думаю, она не допустила бы этого. Много лет спустя у меня явились эти мысли, которые тогда и не приходили в голову»²⁷.

Вообразите себе мать, которая всеми силами старается избавить дочь от... короны. Причем ничего дурного о характере и нравах Петра Федоровича она еще не знает, а просто не хочет ехать в Россию. И правда, что делать при русском дворе, если замуж выходит не Иоганна-Елизавета, а София-Августа-Фредерика?

«Я знаю, она отклоняла отца от мысли о нашей поездке в Россию, – писала Екатерина, – я сама заставила их обоих на

это решиться». В памятный январский день 1744 г. София коршуном напала на мать с неожиданными и едва ли не резкими словами, убеждая принцессу согласиться на полученное приглашение приехать в Петербург. «Я воспользовалась этой минутой, чтобы сказать ей, что если действительно ей делают подобные предложения из России, то не следовало от них отказываться, что это было счастье для меня». Иоганна привела неотразимый аргумент: «Она не могла удержаться и не сказать: “А мой бедный брат Георг, что он скажет?”... Я покраснела и сказала ей: “Он только может желать моего благополучия и счастья”»²⁸.

Ни сожалений, ни сентиментальной грусти о первом чувстве. 15-летняя девушка легко переступает через все, что было ей дорого в прошлом, а любящий человек должен радоваться за нее, иначе в его сердце царствует не любовь, а эгоизм.

Иоганна-Елизавета оказалась побеждена. Но какой ценой? Девочка слишком рано перестала видеть в ней мать и увидела соперницу. Через много лет картина семейного противостояния будет воспроизведена Екатериной в ее отношениях с сыном Павлом, только место дамского соперничества займет вражда политическая.

«ЧЕЛОВЕК ПРЯМОГО И ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА»

Не в последнюю очередь сложные отношения Софии и Иоганны-Елизаветы были связаны с отцом, принцем Христианом-Августом, которого маленькая принцесса буквально боготворила.

Вот как Екатерина описывала семейную пару – своих родителей: «Мать моя, Иоганна-Елизавета Голштейн-Готторпская, была выдана замуж в 1727 г., пятнадцати лет, за моего отца, Христиана-Августа Ангальт-Цербстского, которому было тогда 42 года. С внешней стороны они отлично уживались друг с другом, хотя и была большая разница в годах между ними, да и склонности их были довольно различны. Отец, например, был очень бережлив; мать очень расточительна и щедра. Мать любила исключительно удовольствия и большой свет; отец любил уединение. Одна была весела и шутлива, другой серьезен и очень строгих нравов. Но в чем они совершенно были сходны между собою, так это в том, что оба пользовались большой популярностью, были непоколебимо религиозны и любили справедливость, особенно отец. Я никогда не знала человека более глубоко честного и по убеждению, и на деле. Мать считалась умнее отца, и в ее уме находили больше блеска; но отец был человеком прямого и здравого смысла, с которым он соединял много знаний;

он любил читать, мать читала тоже; все, что она знала, было очень поверхностно; ее ум и красота доставили ей большую известность; кроме того, она имела более великосветские манеры, чем отец»²⁹.

Заметим, что Екатерина подчеркивает внешнюю сторону хороших отношений своих родителей. В описании она все время как бы ставит под сомнение достоинства матери: щедрость превращается в расточительность, светскость в безудержную любовь к удовольствиям, Иоганна-Елизавета только «считается» умнее мужа, а на самом деле ум ее блесящ, но неглубок, а все знания поверхностны. Для Софии не важно, что кто-то считает Христиана-Августа глупее жены, для девочки он просто порядочный человек, не пускающий пыль в глаза и знающий очень много интересного.

Нетрудно догадаться, что между столь разными людьми возникали размолвки. В этих ссорах подрастающая София молчаливо занимала сторону отца, которого считала незаслуженно оскорбленным ветреностью матери. К тому же принц Христиан был на 27 лет старше взбалмошной и избалованной Иоганны. Он не скакал по родственникам с бала на маскарад, а был занят службой. Это в глазах Софии предавало ему достоинства. Служба – почти священное слово для дворянина того времени – оказалась столь же священной и для девочки, старавшейся подражать отцу. Пройдут годы, и императрица громадной империи будет называть свой труд монарха «службой», а свое место на троне «должностью». В

1787 г. во время одной из ссор с Алексеем Григорьевичем Орловым императрица в запальчивости заявила, что «царствуя 25 лет, никогда... по своей должности упущения не сделала»³⁰.

Христиан-Август убежденно исповедовал лютеранство. Того же он требовал и от дочери. София пыталась не разочаровывать его. Однако живой ум девочки часто создавал сложные ситуации при изучении Закона Божьего. «Помню, у меня было несколько споров с моим наставником, – рассказывала она в «Записках», – из-за которых я чуть не попробовала плети. Первый спор возник оттого, что я находила несправедливым, что Тит, Марк Аврелий и все великие мужи древности, притом очень добродетельные, были осуждены на вечную муку, так как не знали Откровения. Я спорила жарко и настойчиво и поддерживала свое мнение против священника».

Пастор Вагнер пожаловался Кардель и хотел, чтобы та употребила розгу, но гувернантка «не имела разрешения на такие доводы. Она лишь сказала мне кротко, что неприлично ребенку упорствовать перед почтенным пастором и что мне следовало подчиниться его мнению», – вспоминала Екатерина. Поскольку София в данном случае понимала, чего от нее требуют, она исполнила приказание.

Второй спор «вращался вокруг того, что предшествовало мирозданию». Любопытная девочка непременно хотела знать, что такое «хаос», а пастор не мог толком объяснить

и сердился. В другой раз она вогнула почтенного учителя в краску, добиваясь у него ответа «относительно обрезания». «Никогда я не была довольна тем, что он мне говорил!» – восклицала ученица. Свои споры с пастором София называла «схватками» и подчеркивала позднее, что только Кардель умела ее успокоить. «Бабет была реформатка, а пастор очень убежденный лютеранин... Я уступала только ей: она смеялась исподтишка и уговаривала меня с величайшей кротостью, которой я не могла сопротивляться. Признаюсь, я сохранила на всю жизнь обыкновение уступать только разуму и кротости; на всякий отпор я отвечала отпором»³¹.

Споры, возникавшие между Софией и пастором, показывали, что маленькая принцесса близко к сердцу принимала религиозные проблемы. Ей же предлагали сделать вид, что она удовлетворена ответами, и помолчать, т. е. пойти на духовный компромисс, который давно уже избрало образованное общество эпохи Просвещения – посещать по воскресеньям церковь, а дома держать под подушкой томик Вольтера.

Впоследствии будет много написано о религиозном индифферентизме Екатерины, которая перешла из лютеранства в православие и нарушила, таким образом, обещание, данное отцу. Однако лютеранские убеждения Софии дали трещину задолго до приезда в Россию. Связано это было с уроками пастора, всякий раз пытавшегося прибегнуть к розге, когда не находилось других аргументов. Заметим, что «кротость и разум» реформатки Кардель уже тогда казались

девочке предпочтительнее строгостей «убежденного лютеранина».

«Сей духовный отец чуть не поверг меня в меланхолию, — посмеивалась взрослая Екатерина, — столько наговорил он мне о Страшном суде и о том, как трудно спастись. В течение целой осени каждый вечер на закате дня ходила я плакать к окошку. В первые дни никто не заметил моих слез; наконец, Бабет Кардель их заметила и захотела узнать причину. Мне было трудно ей в этом признаться, но, наконец, я ей открыла причину, и у нее хватило здравого смысла, чтоб запретить священнику стращать меня впредь такими ужасами»³².

И снова заметим: мысль о спасении души живо волновала девочку, София была равнодушным ребенком, но излишняя строгость ее пугала. Судя по мемуарам, она очень рано нащупала нерв многих религиозных исканий — противоречие между «страхом Божиим» и Любовью. Пастор Вагнер олицетворял первое, Бабет — второе. Интуитивно Фикхен потянулась к Любви.

Впрочем, споры с учителем быстро забывались, да и достаточно времени на уроки у Софии не было. Иоганна-Елизавета любила развлекаться, а для этого приходилось посещать родню. Благодаря непоседливости матери будущая императрица объездила всю Германию.

ИЗ ОКНА КАРЕТЫ

«Мать с тех пор, как мне пошел восьмой год, обыкновенно брала меня повсюду с собой»³³, – вспоминала Екатерина. Иоганна-Елизавета обладала авантюрной жилкой и склонностью к жизни при больших дворах. Ей казалось тесно в захолустном Штеттине, где служил муж, а вся скромная обстановка дома, гарнизонный быт и ежедневная необходимость считать каждый пфенниг навевали тоску. Поэтому принцесса много колесила по дорогам Германии, разорванной на множество мелких княжеств.

В те времена принято было ездить в гости с помпой и основательностью. Задержаться где-то меньше недели значило не на шутку обидеть хозяев. Месяц – полгода – это еще куда ни шло. «Мать проводила ежегодно несколько месяцев у одной герцогини, которая жила в Брауншвейге, в Гауенгофе», – вспоминала Екатерина. Во всех замках существовали гостевые покои, а в роскошных королевских и герцогских резиденциях, где Софии довелось прожить немало времени, для приезжих отводились целые этажи дворцов, отдельно стоящие флигеля и маленькие павильоны. Родню, друзей и знакомых с нетерпением ждали на праздники, заманивали обещаниями прекрасной охоты, веселых балов, обедов и поездок за город. Неторопливая монотонная жизнь в поместьях, отсутствие новостей и других развлечений заставляли

хозяев искренне желать, чтобы их посетили гости, или самим снарядить карету с лакеями на запятках, собрать эскорт из берейторов и скороходов и, благословясь, двинуться к соседям.

У состоятельных аристократов проживали и воспитывались их менее обеспеченные родственники, проводя «в гостях» полжизни. Иоганна-Елизавета тоже выросла у родных. «Мать была воспитана герцогиней Елизаветой-Софией-Марией Брауншвейг-Люнебургской, ее крестной матерью и родственницей. Та и выдала ее замуж и дала ей приданое», – рассказывала императрица.

София побывала в Берлине, Брауншвейге, Кведлинбурге, Гамбурге, Эйтине, Иевере, Вареле и других местах. Во время этих поездок у нее заводился целый рой новых знакомых, который исчезал так же быстро, как и появлялся, словно его сдувало дорожным ветром. Девочке казалось, что она увидела всех по-настоящему важных и знаменитых людей в Германии – от прусского короля Фридриха Великого до вдовы императора Священной Римской империи Карла VI Габсбурга, которую считали «бабушкой всех государей Европы», так как ее внуками и внучками были «Мария-Терезия, императрица Римская, Петр II, император Российский, Елизавета-Христина, королева Прусская, Юлиана-Мария, королева Датская». Есть на что посмотреть восьмилетнему ребенку из гарнизонной глуши!

Девочка оказалась далеко не так хорошо воспитана, как

следовало бы принцессе. В 1733 г. четырехлетняя София оскорбила прусского короля Фридриха-Вильгельма, приехавшего в Брауншвейг. «Сделав ему реверанс, я, говорят, пошла прямо к матери, которая была рядом с вдовствующей герцогиней Брауншвейгской, ее теткой, и сказала им: “Почему у короля такой короткий костюм? Он ведь достаточно богат, чтоб иметь подлиннее?” Король захотел узнать, о чем я говорила; пришлось ему сказать; говорят, он посмеялся, но это ему не понравилось»³⁴.

Судьба словно заранее позаботилась о том, чтобы будущая императрица могла расширить свой кругозор. Девочка увидела многое, в том числе и то, чего, возможно, не должна была видеть. В Вареле она познакомилась с графиней Бентинк, вдовой графа Альденбургского. Эта дама привела Софию в восторг тем, что ездила верхом «как берейтор» и, оставшись с девочкой наедине, тотчас пустилась танцевать с ней «штирийский танец».

«Я привязалась к ней, эта привязанность не понравилась матери, но еще больше отцу», – сообщала Екатерина. Добродетельные родители, в отличие от их наивной дочери, сразу поняли, что за дама эта «милейшая графиня Бентинк». «Она была уже в разводе с мужем. Я нашла в ее комнате трехлетнего ребенка, прекрасного как день; я спросила, кто он такой; она мне сказала, смеясь, что это брат девицы Донеп, которую она имела при себе; другим своим знакомым она говорила без стеснения, что это был ее ребенок и что она

имела его от своего скорохода. Иногда она надевала этому ребенку свой чепчик и говорила: “Посмотрите, как он на меня похож!”... В одном из покоев находился портрет графа Бентинка, который казался очень красивым мужчиной. Графиня говорила, глядя на него: “Если б он не был моим мужем, то я любила бы его до безумия”»³⁵.

Предусмотрительные родители Софии поспешили покинуть Варель, чтобы, как пишет Екатерина, «вырвать меня из когтей этой женщины». Однако уроки Бентинк не прошли для Софии даром. Маленькая принцесса находила свою новую приятельницу очаровательной. «Да и как могло быть иначе? – рассуждала Екатерина. – Мне было четырнадцать лет; она ездила верхом, танцевала, когда ей вздумается, пела, смеялась, прыгала, как дитя, хотя ей было тогда за тридцать».

Этот пассаж из мемуаров императрицы напоминает другие строки, написанные много лет спустя княгиней Е.Р. Дашковой, которая рассказывает о своей первой встрече с великой княгиней и о том неотразимом впечатлении, которое на нее, пятнадцатилетнюю девочку, произвела тридцатилетняя цесаревна. «Очарование, исходившее от нее, – писала Екатерина Романовна, – в особенности когда она хотела привлечь к себе кого-нибудь, было слишком могущественно, чтобы подросток... мог ему противиться»³⁶. Сама пережив очарование дружбы с более взрослой женщиной, Екатерина хорошо запомнила силу этого чувства и приемы, которые произ-

водят впечатление на юную, еще неопытную душу, а когда понадобилось, смогла блестяще воспользоваться своим опытом.

Уже зрелая Екатерина замечала о своей очаровательной знакомой: «Эта дама на шумела в свете; я думаю, что, если бы она была мужчиной, это был бы человек с достоинствами, но, как женщина, она слишком пренебрегала тем, что скажут». Неожиданный пассаж в устах императрицы, ведь ее саму часто упрекали именно за то, что она «как женщина, слишком пренебрегала тем, что скажут». А будь Екатерина Великая мужчиной, как знать, ведь ни Генриху IV, ни Людовику XIV – ее любимым героям – не ставят в вину их многочисленные увлечения.

Бентинк осталась в Вареле, а экипаж принцессы Ангальт-Цербстской покатиł дальше. Благодаря путешествиям в Софии рано развилась охота к перемене мест. Погруженная в развлечения, мать даже не замечала, что девочка с каждым днем все больше утрачивает естественное чувство дома. Да принцессу Иоганну это и не заботило, а ее дочь готова была принять за дом то место на карте Европы, где странствия, наконец, остановятся.

Мир, открывавшийся Фикхен из окна дорожной кареты, был полон удивительных вещей. Холодное Балтийское взморье сменяли буковые леса Центральной Германии, а тихие заштатные города – роскошные резиденции королей и курфюрстов. Это был еще только маленький мирок германских

земель, но для любознательной девочки он казался огромным. А главное, он постоянно менялся: то дюны, то горы; то мать, то бабушка; то Штеттин, то Берлин... Картины за окном кареты все время мелькали, единственно, что оставалось неизменным, была сама юная путешественница.

Вокруг Софии не обнаруживалось ничего прочного, а ведь маленький, формирующийся человек постоянно нуждается в опоре, уцепившись за которую он мог бы продолжить свой духовный рост. Поэтому София искала такую опору в себе самой. Поток ранних, ярких впечатлений заставил девочку совершить своего рода бегство – замкнуться во внутреннем мире. Путешествия с матерью стали первым толчком, который понудил Софию самоуглубиться и вдруг открыть, что там, внутри нее, свет ничуть не меньше, чем снаружи.

«Я СПРАВЛЯЛАСЬ, КАК УМЕЛА»

И вот привычный уютный немецкий мирок раздвинулся до пределов. Пятнадцатилетняя Фикхен стала невестой Петра Федоровича и была приглашена в Россию. Иным было все, от просторов, открывавшихся за стеклами кареты, до языка и одежды людей, которых увидела юная принцесса. Вдруг оказалось, что ее прежний дом, представлявшийся таким важным и помпезным, — лишь часть чего-то завораживающе огромного. Маленькая путешественница была потрясена и околдована. Она знать не знала, что где-то в глубинах дикой Азии таятся такое богатство и скрытая, дремлющая мощь.

Но прежде чем навеки покинуть Германию, ей предстояло еще раз посетить Берлин и познакомиться с самым замечательным государем того времени — Фридрихом Великим. Он вступил на престол пятью годами ранее и после своего отца «короля-фельдфебеля» Фридриха-Вильгельма I казался подданным лучом солнца, наконец пробившимся в их безрадостную жизнь. Еще в 1739 г. София, проезжая с матерью из Эйтина в Берлин, стала свидетельницей ликования народа по поводу кончины прежнего монарха. «Прохожие на улицах целовались и поздравляли друг друга... его ненавидели все от мала до велика. Он был строг, груб, жаден и вспыльчив; впрочем, он имел, конечно, большие достоинства как

король, но я не думаю, чтобы он был чем-нибудь приятен в своей частной жизни»³⁷.

Замечание весьма верное. Внешне походя на борова, Фридрих Вильгельм и вел себя как животное: избивал сына палкой, запрещал ему читать французских писателей, заставил смотреть из дворцового окна на казнь друга... Но именно этот отталкивающий государь вырвал свое небольшое, поднимающееся королевство из ничтожества – создал армию, накопил денег. Его наследник – человек блестяще образованный, тонкий политик, друг Вольтера – вопреки всем ожиданиям продолжил дело отца. Он добивался для Пруссии достойного места в Европе, и на этом пути дипломатические интриги оказались так же важны, как военные победы.

Одна из них была связана с отправкой к русскому двору в качестве невесты великого князя принцессы Ангальт-Цербстской. Недаром позднее Фридрих II говаривал, что именно он сделал из маленькой немецкой княжны Екатерину Великую. Ее прибытие в Петербург укрепляло «прусскую партию» в окружении императрицы Елизаветы. «Великая княгиня русская, воспитанная и вскормленная в прусских владениях, обязанная королю своим возвышением, не могла вредить ему без неблагодарности», – рассуждал Фридрих в записках мемуарного характера. Последние слова очень показательны. В первой половине царствования Екатерина II выплатила старому берлинскому покровителю свой долг сполна. Но позднее отошла от союза с Пруссией, отсю-

да и завуалированный упрек в неблагодарности. Впрочем, до этого было еще далеко.

Пока король только пытался построить выгодные отношения с Петербургом: «Из всех соседей Пруссии Российская империя заслуживает преимущественного внимания как соседка наиболее опасная. Она могущественна и близка. Будущим правителям Пруссии также предлежит искать дружбы этих варваров»³⁸. Не будем обижаться на Фридриха за циничную откровенность – не было ни одного европейского двора, представители которого в дипломатических документах, а тем паче в частной переписке или воспоминаниях не именовали бы русских «варварами». Еще не наступила Семилетняя война, еще Фридрих не сказал знаменитых слов о противнике: «Это железные люди, их можно убить, но не победить». Однако умный и лишенный предрассудков король с самого начала понимал: варвары могущественны, а потому с ними надо считаться. А вот версальскому кабинету, например, такая простая мысль десятилетиями не приходила в голову.

Иметь вес в русских делах значило для Фридриха приобрести союзника на случай общеевропейского конфликта. А таковой был не за горами. Кем станет Петербург? Другом или врагом? Это во многом зависело от приближенных молодой императрицы. Уже сам факт выбора ею в качестве наследника маленького герцога Голштинского много обещал на будущее. Приезд Ангальт-Цербстского семейства только

усиливал на севере «друзей» Пруссии. Поэтому король был исключительно ласков к будущей великой княгине. И кажется, именно он первым поставил на место Иоганну-Елизавету.

Есть сведения, что принцесса уже выполняла щекотливые поручения берлинского двора в качестве мелкого дипломатического агента. Ее кочевая жизнь и широчайший круг знакомств этому способствовали. Если так, то Екатерина, сама того не зная, отразила в мемуарах весьма неприятный момент – домашнее соперничество с матерью чуть не переросло в политическое.

«Смерть покойного короля очень изменила берлинской двор, – вспоминала Екатерина. – В нем все так и дышало удовольствием. Толпа иностранцев наехала туда со всех сторон, и первый карнавал был блестящим»³⁹. Праздники чередой сменяли друг друга, но поначалу девочке не удавалось на них взглянуть. «Мать считала неуместным, чтобы я появлялась при дворе или вообще где бы то ни было вне дома». Такое положение не казалось Софии странным, ведь, в конце концов, ее будущее «счастье» пока оставалось для всех тайной – стоило побережься. Единственным по-настоящему осведомленным лицом, помимо семьи, был «король прусский, через руки которого прошли все пакеты, посланные из России матери», – замечала императрица.

Ничего удивительного, что Фридрих захотел взглянуть на юную путешественницу. И тут Иоганна-Елизавета вновь показала себя с лучшей стороны. «Мать сказала, что я больна;

он велел пригласить ее два дня спустя на обед к королеве, его супруге, и сам ей сказал взять меня с собой. Мать ему обещала, но в назначенный день она отправилась одна ко двору; король, как только ее увидел, спросил о моем здоровье; мать сказала ему, что я была больна; он сказал ей, что знал, что этого не было; она ему ответила, что я не была одета; он ей возразил, что будет ждать меня до завтра со своим обедом. Мать, наконец, ему сказала, что у меня нет придворного платья. Он пожелал, чтобы одна из его сестер прислала мне одно из таких платьев... Наконец, я появилась ко двору; король встретил меня в передней королевы. Он заговорил со мной и довел меня до покоев королевы. Я робела и смущалась; наконец сели за стол»⁴⁰.

Очень показательная сцена. Откровенная ложь принцессы Цербстской, на которой ее ловит Фридрих. Его нежелание обедать, пока не будет доставлена Фикхен: раз нет главной гостьи, не будет и стола. Терпеливое ожидание остальных приглашенных... Почему Иоганна-Елизавета не хотела привезти дочь и дважды нарушила прямой приказ короля? Из-за дамского соперничества? Вряд ли. В Берлине она получила инструкции о том, как вести себя при русском дворе, с кем вступать в контакты и чего добиваться. Из дальнейшего повествования будет ясно, как принцесса их исполнила. Пока же ей очень хотелось остаться единственным доверенным лицом. Это повышало ее статус. Дочь мешала и потому оказывалась то «больна», то «не одета».

Фридрих, напротив, из всех сил старался расширить круг своих «агентов», заполучить не только мать, но и дочку в «друзья» прусской политики, чтобы в случае потери одного доверенного лица воспользоваться вторым. Так и произошло после фактической высылки Иоганны-Елизаветы из России. Пока же Фикхен была слишком мала, чтобы снабжать ее серьезными инструкциями, но можно было купить сердце девочки ласковым обращением, оставить у нее теплые воспоминания, очаровать. Именно это и сделал тонкий, галантный Фридрих, сыграв на тщеславии юной принцессы.

Тем же вечером «на балу в оперном доме» София оказалась приглашена за стол короля, в то время как ее мать «ко столу королевы», а отец получил «за одним из столов почетное место хозяина». Таким образом, из всего Ангальт-Цербстского семейства только Фикхен удостоилась чести разделить трапезу с Фридрихом II. Видимо, тот решил посмотреть, как девочка держится без родителей, и подверг ее беспощадной осаде. «Принц Брауншвейгский... постарался поместить меня как раз рядом с королем. Как только я увидела короля своим соседом, я хотела удалиться, но он удержал меня и в течение всего вечера говорил только со мной; он мне наговорил тысячу учтивостей. Я справлялась, как умела».

Фикхен приятно было внимание короля. Самолюбие будущей великой княгини торжествовало, когда ее открыто предпочитали матери. Но она ведать не ведала, что за этим сто-

ит. На пятнадцатом году ее уже рассматривали не только как невесту великого князя, но и как политического игрока, пусть пока и скромного. В те времена люди выросли рано.

Грустную ноту в рассказ вносит замечание о принце Христиане-Августе. Как бы Екатерина ни старалась подчеркнуть, что ему было предоставлено «почетное место хозяйина», ее слова не скрадывают реальности: в то время как жена и дочь делили трапезу с монархами, командир небольшого прусского гарнизона сидел «за одним из столов». Софии предстояло стать женой наследника русского престола, Иоганна-Елизавета благодаря своему родству претендовала на внимание королевы. Он же – просто старый служака, и его дело – муштровать полк в отдаленной крепости, а не беседовать с августейшими особами.

Через несколько дней семейство покинуло Берлин, чтобы, как говорили всем, вернуться домой. Но в Штеттин отправлялся один Христиан-Август. О его приезде в Россию не могло быть и речи: Иоганна-Елизавета следовала через границу инкогнито, под именем графини Рейнбек, чтобы прежде времени не возбудить ненужного любопытства. «В виду Штеттина отец очень нежно со мной простился, – вспоминала Екатерина. – И тут я видела его в последний раз; я также много плакала»⁴¹.

Глава 2

СТРАНСТВИЯ ФИВЫ

На самой границе России и Курляндии юная София увидела в небе «страшную комету» 1744 г. Огромный огненный шар казался очень близким к земле и напугал путешественниц. Он предвещал суровую зиму, голодный год, «прилипчивые болезни», пришедшие в Европу из Италии. На севере замерзший голландский флот был захвачен французской кавалерией, двигавшейся по льду. В России южные губернии разорила саранча, ветряные бури выкорчевывали в лесах деревья с корнем, а из-за неурожая был запрещен вывоз хлеба за границу⁴². Комета не сулила добра и нашей героине. Следующие восемнадцать лет станут самыми трудными в ее жизни.

Когда к городу по мосту через Северную Двину приближались в простых экипажах мнимая графиня Рейнбек с дочерью, с другой стороны, в замок Дюнамюнде, прибыл генерал Василий Федорович Салтыков, чтобы взять под стражу пленное Брауншвейгское семейство – «принца Антона Ульриха Брауншвейгского и принцессу Анну Мекленбургскую, его супругу, с детьми и свитой».

Много лет спустя Екатерина писала: «Императрица Елизавета в начале своего царствования решила отослать их на

родину, и это было бы самое лучшее, что она могла сделать; но когда они прибыли в Ригу, императрица велела отложить их поездку до нового распоряжения... Вместо того чтобы удалить из страны эту несчастную семью, им велели вернуться и послали в город Раненбург... Там маленького принца Иоанна (императора Иоанна Антоновича. – *О.Е.*)... разлучили с принцем и принцессой, которых увезли в Холмогоры»⁴³.

Некоторые исследователи подчеркивают, что в тот момент, когда писались эти строки, т. е. в 1771 г., «несчастливая семья» все еще томила в Холмогорах. Высказываясь за отправку пленников на родину, Екатерина как бы снимала вину с себя и перекладывала ее полностью на плечи Елизаветы⁴⁴. Она точно «забывала», что в 1764 г. Иоанн Антонович был убит охраной при попытке поручика В.Я. Мировича освободить низложенного императора. Это было уже пятно ее собственного царствования. Но, судя по спокойному тону «Записок», Екатерина не чувствовала за собой вины. Ей несравненно труднее, чем Елизавете, было отпустить пленников. Она не являлась ни дочерью Петра Великого, ни законной русской государыней. Дети Антона Брауншвейгского долгие годы представляли для нее реальную угрозу, и тем не менее, именно она в 1780 г. позволила им отправиться в Данию к их тетке королеве Юлиане Марии⁴⁵.

В 1744 г. юная София еще не знала, что именно ей придет-

ся решать участь пленников¹. Но урок, полученный в Риге, был наглядным: не ко всем иностранным принцам и принцессам Россия ласкова. Брауншвейгское семейство было одним из самых старых и уважаемых в Европе, обладало большими связями и влиянием. Тем не менее его отпрыски оказались свергнуты с престола и заточены. Никто не пришел к ним на помощь.

Кутаясь в присланные императрицей Елизаветой черно-бурые меха и грея ноги в теплых императорских санях с передвижной печкой, Ангальт-Цербстские путешественницы не могли с опаской не оглядываться на башни Дюнамюнде.

¹ За признанием политической ошибки исправление последовало далеко не сразу. Из «Записок» видно, что в 1770-е гг. Екатерина считала положение пленников несправедливым. Но изменила его только тогда, когда ее потомство прочно закрепилось на престоле – появился не только сын, но и внуки – а состарившиеся в Холмогорах бездетные принцы Петр, Алексей и принцессы Екатерина и Елизавета больше не представляли угрозы. На корабле «Полярная звезда» их тайно вывезли из России, хотя сами «брауншвейгцы» просили разрешения остаться «дома». «Мы здесь родились, привыкли и застарели», – говорили они.

«ПОЛИТИКАНЫ ПЕРЕДНЕЙ»

Вскоре инкогнито было отброшено, по русскую сторону границы гостей встречали с помпой. Еще в Риге магистрат вышел их приветствовать, «была пальба из пушек», представление знатнейших жителей, а кроме того, «придворная кухня, ливрейная прислуга, экипажи от двора», эскадрон кирасир и отряд Лифляндского полка в качестве сопровождения.

3 февраля принцесса Иоганна-Елизавета с дочерью достигли Петербурга. Русская столица не произвела на Софию особого впечатления. «Нельзя судить по теперешнему Петербургу о том, чем был тогда этот город, – вспоминала императрица. – Каменные здания были лишь на Миллионной, на Луговой и Английской набережной, которые образовывали, так сказать, завесу, которая скрывала деревянные лачуги... Из домов только один – принцессы Гессенской – был отделан штофом, все другие имели или выбеленные стены, или плохие обои, бумажные или набойчатые»⁴⁶.

Но и в Петербурге-городке нашлось чем удивить Ангальт-Цербстских принцесс: они впервые увидели высокие ледяные горки, с которых катались на Масленицу, а кроме того... слонов, подаренных Елизавете Петровне Надир-шахом по случаю коронации. «Их было четырнадцать, и они

выделывали разные штуки на дворцовом дворе»⁴⁷. Бедные животные не выдержали сурового климата и вскоре околели, а в Петербурге еще долго говорили об экзотическом зрелище.

Путешественницам удалось задержаться в столице всего на два дня, их ждала Москва – любимый город Елизаветы Петровны, – где находился в тот момент двор.

Екатерина поместила в мемуарах многозначительный эпизод, мимо которого обычно проходят исследователи. Секретарь прусского посольства некто Шривер «бросил моей матери в карету записку, которую мы с любопытством прочли». Она «заключала характеристику всех самых значительных особ двора и... указывала степень фавора разных фаворитов»⁴⁸. Судя по этой сцене, принцессу Цербстскую уже ждали в столице «друзья прусского короля» и заготовили для нее инструкции. Однако они не рискнули передать их непосредственно в руки и подбросили в тот момент, когда многочисленные соглядатаи не могли ничего заметить.

Случившееся должно было подсказать Фикхен, что мать вовлечена в закулисные интриги. Наша героиня уже знала, что ее приезд в Россию – результат победы одной из группировок в окружении Елизаветы Петровны. «Русский двор был разделен на два больших лагеря или партии, – вспоминала она. – Во главе первой был вице-канцлер граф Бестужев-Рюмин; его несравненно больше страшились, чем любил; это был чрезвычайный пройдоха, подозрительный, твер-

дый и неустрашимый... властный, враг непримиримый, но друг своих друзей, которых оставлял лишь тогда, когда они повертывались к нему спиной, впрочем, неуживчивый и часто мелочный... Он держался Венского двора, Саксонского и Англии. Приезд Екатерины II (императрица иногда писала о себе в 3-м лице. – *О.Е.*) не доставил ему удовольствия. Это было тайное дело враждебной ему партии; враги графа Бестужева были в большом числе, но он их всех заставлял дрожать. Он имел над ними преимущество своего положения и характера, которое давало ему значительный перевес над политиками передней. Враждебная Бестужеву партия держалась Франции, Швеции и короля Прусского; маркиз де-ла-Шетарди (французский посланник. – *О.Е.*) был ее душою, а двор, прибывший из Голштинии, – матадорами; они привлекли графа Лестока, одного из главных деятелей переворота... у него не было недостатка ни в уме, ни в уловках, ни в пронырстве, но он был зол и сердцем черен и гадок. Все эти иностранцы поддерживали друг друга и выдвигали вперед Михаила Воронцова, который также принимал участие в перевороте и сопровождал Елизавету в ту ночь, когда она вступила на престол... Остальные придворные становились то на ту, то на другую сторону, смотря по своим интересам»⁴⁹.

Мы привели цитату из поздней редакции записок 1790-х гг. Обратим внимание, как в ней Екатерина заметно симпатизирует Бестужеву, чья титаническая фигура затмевает соперников. В момент ее приезда он действительно был врагом

Ангальт-Цербстского семейства, но с годами сделался другом и защитником великой княгини. Зато временные, минутные союзники — де-ла-Шетарди, Лесток, Воронцов, Голштинский двор — либо ушли из жизни цесаревны, либо стали противниками, и потому с брезгливостью названы «политиканами передней».

Вице-канцлер (с 1744 г. канцлер) Алексей Петрович Бестужев-Рюмин принадлежал к младшим современникам Петра Великого, он родился в 1693 г. и был сыном русского резидента при Курляндском дворе П.М. Бестужева. Его отец долгие годы оставался фактическим правителем герцогства при вдовой Анне Иоанновне, которой на первых порах заменил мужа. Сыновья дипломата Михаил и Алексей учились в Берлине. Будущий канцлер показал блестящие успехи, особенно в иностранных языках. В 1712 г. он с согласия Петра I поступил на службу к ганноверскому курфюрсту (ставшему в 1714 г. английским королем Георгом II)⁵⁰.

Дипломатическая карьера Алексея Петровича складывалась успешно, он служил резидентом в Дании, затем герцог Бирон, многим обязанный отцу Бестужева, взял его под покровительство. Тем не менее будущий канцлер знал взлеты и падения, он едва не попал под следствие по делу царевича Алексея в 1718 г., к нему не благоволил А.Д. Меншиков, и после смерти Петра I до середины 1730-х гг. талантливый царедворец оставался в тени. После свержения Бирона Бестужев, как самый близкий сотрудник временщика, был по-

сажен в Шлиссельбургскую крепость, дал показания на своего благодетеля, от которых отрестился при первом удобном случае.

У пришедшей к власти Елизаветы Петровны не было оснований доверять «человеку Бирона». Однако ум, опыт, европейское образование и удивительная работоспособность сделали Бестужева необходимым молодой монархине. Он сумел внушить ей, что предложенный им внешнеполитический курс основан на «системе Петра Великого». Стало быть, и отступление от него есть не что иное, как отказ от петровских принципов. А Елизавета широко декларировала возвращение России к наследию реформатора. Таким образом, Бестужеву удалось поймать государыню в ловушку ее собственной риторики. Могущество канцлера долгие годы зиждилось именно на убеждении самодержицы, что, уступая Бестужеву, она идет на международной арене по стопам отца.

Однако в 1744 г. в схватке за обручальное кольцо сторонники сближения с Австрией потерпели поражение от «друзей прусского короля». Бестужев был глубоко уязвлен и повел непримиримую борьбу против «матадоров». Штеттинская бесприданница застряла у него как кость в горле. Да и разве мало кандидатов на руку Петра Федоровича он назвал Елизавете, чтобы хвататься за первую встречную?

Еще в 1742 г. английский посол Сирил Вейч (Вич) сделал Елизавете предложение о браке наследника с одной из доче-

рей Георга II. Портрет принцессы был привезен в Петербург и, по слухам, очень понравился Петру. Вставал вопрос и о сватовстве к одной из французских принцесс, дочерей Людовика XV, но, отвергнутая в юности этим монархом, Елизавета слышать не хотела о подобном союзе. Лично ей импонировала сестра Фридриха II Луиза-Ульрика, но последнюю августейший брат предпочел пока оставить при себе. Рассматривалась и кандидатура датской принцессы, однако императрица опасалась, что такой выбор нарушит европейское равновесие. Наконец, Бестужев проталкивал идею женитьбы наследника на саксонской принцессе Марианне (Марии-Анне), дочери польского короля Августа III, поскольку этот альянс символизировал бы союз России, Австрии и Саксонии для сдерживания Франции и Пруссии. Чтобы подкрепить позиции Марианны, отец даже обещал за ней в приданое Курляндию⁵¹.

Желчный Фридрих II писал о позиции Бестужева: «Российский министр, которого подкупность доходила до того, что он продал бы свою повелительницу с аукциона, если бы он мог найти на нее достаточно богатого покупателя, ссудил саксонцев за деньги обещанием брачного союза. Король Саксонии заплатил условленную сумму и получил за нее одни слова. Было крайне опасным для государственного блага Пруссии допустить семейный союз между Саксонией и Россией, а с другой стороны, казалось возмутительным пожертвовать принцессой королевской крови для устранения сак-

сонки... Из всех немецких принцесс, которые по возрасту своему могли вступить в брак, наиболее пригодной для России и для интересов Пруссии была принцесса Цербстская»⁵².

На фоне богатых и влиятельных невест Фикхен выглядела весьма скромно. Однако именно она подходила больше других. Как бы ни хотела Елизавета Петровна поскорее женить племянника и закрепить престол за потомством Петра I, в данном вопросе она действовала с большой осторожностью. Невеста должна была отвечать двум требованиям: во-первых, иметь хорошую родословную, поскольку саму императрицу часто попрекали низким происхождением матери, и, во-вторых, принадлежать к небогатому и невлиятельному семейству, которое бы согласилось на ее переход в православие и не смогло в дальнейшем вмешиваться в дела русского императорского дома. Елизавета сказала Бестужеву, что невеста должна происходить «из знатного, но столь маленького дома, чтобы ни иноземные связи его, ни свита, которую она привезет или привлечет с собою, не произвели в русском народе ни шума, ни зависти. Эти условия не соединяет в себе ни одна принцесса в такой степени, как Цербстская, тем более что она и без того уже в родстве с Голштинским домом»⁵³.

Некогда дядя Софии по матери Карл, принц-епископ Любекский, считался женихом юной Елизаветы Петровны, но скончался накануне свадьбы от оспы. Государыня сохраняла о нем романтические воспоминания. По случаю своего

восшествия на престол она обменялась письмами с Иоганной-Елизаветой и послала ей в подарок свой портрет, осыпанный бриллиантами стоимостью в 25 тыс. рублей. Возможно, деньги, вырученные от продажи камней, помогли семье штеттинского коменданта свести концы с концами. А возможно, ветреная супруга мигом спустила их на наряды.

Со своей стороны, Фридрих II постарался переключить внимание Елизаветы Петровны с Ульрики на Софию-Августу Фредерику. Чтобы повысить статус Христиана-Августа в глазах Елизаветы, король даже произвел его в фельдмаршалы. Позднее он писал, что никогда всерьез не задумывался об отправке собственной сестры в Россию. К этому имелись серьезные препятствия. С одной стороны, принцесса прусского королевского дома не могла сменить веру без ущерба для достоинства своего рода. С другой, выбор невесты означал выбор политического направления, а Елизавета не собиралась раз и навсегда связывать себе руки союзом с Фридрихом и увеличивать прусское влияние при дворе. Ей нужна была кандидатка, которой в случае чего можно пренебречь. Вот почему София подходила идеально. Родовита и бедна. Отец на прусской службе, но сама невеста вовсе не подданная Фридриха II. В каком-то смысле на девочке из Штеттина свет сошелся клином.

В отечественной литературе принято называть Екатерину II «мелкопоместной» и «худородной», что не одно и то же. Действительно, Ангальт-Цербстский дом не располагал об-

ширными владениями, однако будущая императрица обладала генеалогическим древом, уходившим корнями ко временам Карла Великого. Во всяком случае, эта родословная позволила ее отцу претендовать на корону Курляндского герцога⁵⁴.

Между тем сам русский императорский дом в то время отнюдь не блистал чистотой крови. Низкое происхождение матери не раз подводило Елизавету². Если ее отец не

² В списке невест для юного короля Людовика XV ее имя стояло вторым, но было отвергнуто, именно потому, что дочь Петра родилась до брака и от «подлой простолюдинки». Предшественница Елизаветы у власти правительница Анна Леопольдовна из двух предложенных ей тетушкой-императрицей Анной Иоанновной кандидатов – сына герцога Бирона Пьера и принца Антона Ульриха Брауншвейгского – выбрала последнего, заявив, что «он хоть из старого дома», т. е. принадлежит к древней фамилии. А Пьер Бирон – в сущности, сын конюха. Постепенно, устраивая браки великих князей с «мелкопоместными» немецкими принцессами, русские императоры породнились с самыми знатными семьями Европы. К концу XVIII в. союзы, подобные петровскому, стали невозможны. Павел I издал закон, согласно которому его отпрыски могли соединяться только с представителями царствующих родов. В 1822 г. цесаревичу Константину Павловичу пришлось отречься от права наследования престола, чтобы жениться на польской дворянке Иоанне Грудзинской (в замужестве Лович). Его младший брат Николай Павлович был уже достаточно высокороден, чтобы взять за себя дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма III Шарлотту (в крещении Александру Федоровну). А вот их дочь Мария Николаевна, пожелав остаться после замужества в России, выбрала не слишком знатного принца Максимилиана Лейхтенбергского, чем вызвала резкое осуждение своего брата, будущего императора Александра II. Сын баварской принцессы Августы-Амалии от брака с Евгением Богарне, пасынком Наполеона, бедняга Макс на встречах немецкой родни вынужден был сидеть в конце стола, не на стуле с высокой спинкой, а на приставном табурете, и есть не из золотой посуды, а из серебряной. Владетельные князья

позаботился о престиже семьи, то она браком наследника вынуждена была «заглаживать» экстравагантный шаг великого преобразователя. На этом пути юная принцесса Ангальт-Цербстская внесла свою лепту в укрепление родословного древа Романовых. Капелька ее благородной крови оказалась очень кстати. В окружении незнатной материнской родни Елизаветы Петровны – Скавронских, Гендриковых, Чоглоковых – с их грубыми простонародными привычками, она выглядела настоящей андерсоновской принцессой, способной почувствовать горошину под дюжиной тюфяков.

«СРЕДОТОЧИЕ СОВЕРШЕНСТВ»

В Москве София наконец увидела императрицу Елизавету – самую красивую коронованную даму своего времени. 9 февраля гости прибыли в Анненгофский дворец на берегу Яузы. «Когда мы прошли через все покои, нас ввели в приемную императрицы; она пошла к нам навстречу с порога своей парадной опочивальни. Поистине нельзя было тогда видеть ее в первый раз и не поразиться ее красотой и величественной осанкой. Это была женщина высокого роста, хотя очень полная, но ничуть от этого не терявшая и не испытывавшая ни малейшего стеснения во всех своих движениях; голова ее была также очень красива; на императрице были в этот день огромные фижмы... Ее платье было из серебряного глазета с золотым галуном; на голове у нее было черное перо, воткнутое сбоку и стоящее прямо, а прическа из своих волос со множеством бриллиантов»⁵⁵.

Сама София была облачена в «узкое платье без фижм из муара розово-серебристого цвета». В нем она казалась особенно хрупкой рядом с величественной, рослой императрицей. Какими бы трудными ни были впоследствии отношения этих двух женщин, Екатерина на всю жизнь сохранила простоту и непосредственность первого впечатления. Она была заморожена царицей.

Чуть позже великая княгиня побывала на особом маска-

раде, где дамы наряжались в мужское, а кавалеры – в женское платье. «Безусловно хороша в мужском наряде была только императрица, – вспоминала Екатерина, – так как она была очень высока и немного полна, мужской костюм ей чудесно шел; вся нога у нее была такая красивая, какой никогда я не видела ни у одного мужчины, и удивительно изящная ножка (ступня. – *О.Е.*). Она танцевала в совершенстве и отличалась особой грацией во всем, что делала одинаково в мужском и женском наряде... Как-то на одном из таких балов я смотрела, как она танцует менуэт; когда она кончила, она подошла ко мне. Я позволила себе сказать ей, что счастье женщин, что она не мужчина, и что один ее портрет, написанный в таком виде, мог бы вскружить голову многим женщинам... Она ответила, что если бы она была мужчиной, то я была бы той, которой она дала бы яблоко»⁵⁶.

Такой портрет действительно был написан Л. Караваком. Глядя на него, можно побиться об заклад, что Екатерина права. Родись ее царственная свекровь кавалером, и дамам пришлось бы туго. Однако красота физическая редко соединяется с душевными совершенствами. В специальной записке «Характеры современников», вынесенной за скобки воспоминаний, Екатерина вспоминала:

«Императрица Елизавета имела от природы много ума, она была очень весела и до крайности любила удовольствия; я думаю, что у нее было от природы доброе сердце, у нее были возвышенные чувства и много тщеславия; она вообще хо-

тела блистать во всем и служить предметом удивления; я думаю, что ее физическая красота и врожденная лень очень испортили ее природный характер. Красота должна была бы предохранить ее от зависти и соперничества, которое вызывали в ней все женщины, не слишком безобразные; но, напротив того, она была до крайности озабочена тем, чтоб эту красоту не затмила никакая другая; это порождало в ней страшную ревность, толкавшую ее часто на мелочные поступки... Ее лень помешала ей заняться образованием ума... Лстецы и сплетницы довершили дело, внося столько мелких интересов в частную жизнь этой государыни, что ее каждодневные занятия сделались сплошной цепью капризов, ханжества и распушенности, а так как она не имела ни одного твердого принципа и не была занята ни одним серьезным и солидным делом, то при ее большом уме она впала в такую скуку, что в последние годы своей жизни она не могла найти лучшего средства, чтобы развлечься, как спать, сколько могла; остальное время женщина, специально для этого представленная, рассказывала ей сказки»⁵⁷

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.